

1. В этом доме – 1.31
2. До рокового дня – 1.39
3. Выходи, царица – 3.03
4. Шемаханская царица – 1.45
5. Послушай – 1.24
6. Смертная печаль – 1.32
7. Как покинутый рай – 1.21
8. Как пленник – 1.49
9. И я говорю – 1.18
10. Но граммофон поет – 1.49
11. Помедли же! – 1.22
12. Воспоминания – 1.21
13. Мы встретимся – 2.30
14. Все прошло – 2.05
15. Греческая лира – 2.11
16. Опять гитара – 1.21
17. Кровь на снегу – 2.09
18. Страх – 1.49
19. Вот так всегда – 1.59
20. В лодке – 1.29
21. Как холодно – 1.22
22. Теперь я знаю – 2.07
23. Пора и домой – 1.01
24. Ранние метели – 1.58
25. Пред смертью – 1.18
26. Ты видишь – 2.01
27. Запомни все – 1.26
28. Там, на суде – 1.57
29. Бессмертие – 1.23

Общее время звучание – 50.00

1. В ЭТОМ ДОМЕ

Темнеют окна. Уголь почернел.
Не в страсти жизнь, а в истинной свободе.
По кабинету от стены к стене
Лунатики, ломая руки, бродят.

Кипит неутолимый водопад,
И мостик еле видный перекинут,
Чтоб те, кто в доме стонут и горят,
Упали в серебристую стремнину.

Любовь, любовь... Слабеет голова,
Все о политике бормочут люди,
Все повторяют грубые слова,
Что в этом доме радости не будет,

А в этом доме будет тишина,
Как над пустыми фьордами бывает,
Когда огромным фонарем луна
Полярных птиц и море озаряет.

2. ДО РОКОВОГО ДНЯ

Бегут, как волны, быстрые года,
Несут, как волны, серебро и пену.
Но я Вам обещаю — никогда
Вы не увидите моей измены.

Ведь надо мною, проясняя муть,
Уже сияет западное пламя,
Ведь мой печальный и короткий путь
Цветет уже осенними цветами.

И я хочу до рокового дня
Забить утехи юности мятежной,
Лишь Ваши ласки в памяти храня
И образ Ваш, торжественный и нежный.

3. ВЫХОДИ, ЦАРИЦА

Выходи, царица, из шатра,
Вспомним молодые вечера.

Все здесь то же — ветер, города
Да в реке глубокая вода.

То же небо на семи столбах,
Все в персидских, бархатных звездах.

И на дереве колдун сидит,
Крылья опустил и не кричит.

Скучно золотому петушку
В тишине качаться на суку,

Позднего прохожего поймать,
Хитрую загадку загадать.

И ведь, знаешь, холодно ему
Колдовать в полуночную тьму!

Все равно, что черное лицо,
Что давно заржавело кольцо,

Что дрожит прекрасная рука,
А в руке не посох, а клюка.

Выходи, царица, из шатра,
Выходи, красавица, пора.

4. ШЕМАХАНСКАЯ ЦАРИЦА

Стоцветными крутыми кораблями
Уж не плывут по небу облака,
И берега занесены песками,
И высохла стеклянная река.

Но в тишине еще синеют звезды
И вянут затонувшие венки,

Да у шатра разрушенного мерзнут
Горбатые, седые старики.

И сиринам, уж безголосым, снится,
Что из шатра, в шелках и жемчугах,
С пленительной улыбкой на устах
Выходит Шемаханская царица.

5. ПОСЛУШАЙ

Когда с улыбкой собеседник
Мне в кубок льет веселое вино, —
То кубок, может быть, последний,
И странный пир продлить не суждено.

Послушай, — радостное пенье
Уже глушат рыдания панихид,
И каждый день несет паденье,
И каждый миг нам гибелью грозит.

Так, на распутьи бедных дней,
Я забываю годы, годы скуки,
Все безнадежней и нежней
Целую холодеющие руки.

6. СМЕРТНАЯ ПЕЧАЛЬ

Звонит гармоника. Летят качели.
«Не шей мне, мать, красный сарафан».
Я не хочу вина. И так я пьян.
Я песню слушаю под тенью ели.

Я вижу город в голубой купели,
Там белый Кремль — замоскворецкий стан,
Дым, колокольни, стены, царь-Иван,
Да розы и чахотка на панели.

Мне грустно, друг. Поговори со мной.
В твоей России холодно весной,
Твоя лазурь стирается и вянет.

Лежит Москва. И смертная печаль
Здесь семечки лушит, да песню тянет,
И плечи кутает в цветную шаль.

7. КАК ПОКИНУТЫЙ РАЙ

Я не знаю, я все забыл.
Что тревожишь ты темным словом?
Я напиток душистый пил
На закате, в лесу сосновом.

Только видел — друга лицо
Искривилось радостью жгучей,
Да на сосны тяжелым кольцом,
Будто сонные, падали тучи...

Не зови, не смотри на меня!

Я тебя не люблю и не знаю, —
Только синее море огня
Как покинутый рай вспоминаю.

8. КАК ПЛЕННИК

Опять брожу. Поля и травы,
Пустой и обгорелый лес,
Потоки раскаленной лавы
Текут с чернеющих небес.

Я ненавижу тьму глухую
Томительных июльских дней,
О дальней родине своей,
Как пленник связанный, тоскуя.

Пусть камни старой мостовой
Занесены горячей пылью,
И солнце огненные крылья
Высоко держит над Невой,

Но северная ночь заплачет,
Весь город окружит кольцом,
И Всадник со скалы поскачет
За сумасшедшим беглецом...

Тогда на миг, у вечной цели,
Так близко зеленеет дно,
И песни сонные в окно
Несут ленивые свирели.

9. И Я ГОВОРЮ

Тридцатые годы, и тени Версали
И белая ночь, и Нева,
И слезы о непережитой печали,
И об утешеньи слова,

Ну, что ж, — сочинять человеку не трудно,
Искусство покорно ему,
Но как это жалко, и как это скудно,
И как не нужно никому!

И я говорю: — не довольно ль об этом?
Что дальше — закрыто от всех,
Но знаю одно, — притвориться поэтом
Есть смертью караемый грех.

Поэт — не мечтатель. И тем безнадежней,
И горестней слов ищет он,
Чтоб хоть исказить свой торжественно-нежный,
И незабываемый сон.

10. НО ГРАММОФОН ПОЁТ!

Сухую позолоту клена
Октябрь по улицам несет,
Уж вечерами на балконах

Над картами не слышен счет,

Но граммофон поет! И трубы
Завинчены, и круг скрипит,
У попады ли ноют зубы
Иль околоточный грустит.

Вертись, вертись! Очарованиям
И призракам пощады нет.
И верен божеским сказаньям
Аяксов клоунский дуэт.

Но люди странны, — им не больно
Былые муки вспоминать
И хриплой музыки довольно,
Чтоб задыхаться и рыдать.

Был век... Иль, правда, вы забыли,
Как, услышав ночной гудок,
Троянские суда отплыли
С добычей дивной на восток,

Как, покидая дом и стены,
И голубой архипелаг,
На корабле кляла Елена
Тяжелой верности очаг.

11. ПОМЕДЛИ ЖЕ!

За миллионы долгих лет
Нам не утешиться... И наш корабль, быть может,
Плывя меж ледяных планет,
Причалит к берегу, где трудный век был прожит.

Нам зов послышится с кормы:
«Здесь ад был некогда, — он вам казался раем».
И силась улыбнуться, мы
Мечеть лазурную и Летний сад узнаем.

Помедли же! О, как дышать
Легко у взморья нам и у поникшей суши!
Но дрогнет парус, — и опять
Поднимутся хранить воспоминанья души.

12. ВОСПОМИНАНИЯ

Остров был дальше, чем нам показалось.
Зеркало озера, призрачный снег,
С неба снежинки... ну самая малость...
Лишь обещаьем заоблачных нег.

С неба снежинки... а впрочем, какому
Летом и снегу небесному быть?
В памяти только... сквозь сонную дрему...
Воображение... к ниточке нить,

Остров и снег. Не в России, а где-то,

Близко глядеть, а грести далеко.
 Было слепое и белое лето.
 Небо, как выцветшее молоко.

Что ж, вспоминай, это все, что осталось,
 И утешения лучшего нет.
 С неба снежинки, сомнения, жалость,
 За морем где-то, за тысячи лет.

13. МЫ ВСТРЕТИМСЯ

Вот жизнь, — пелена снеговая,
 И ночи, и здесь тишина, —
 Спустилась, лежит и не тает,
 Меня сторожит у окна.

Вот, будто засыпано снегом,
 Что кроет и кроет поля,
 Рязанское белое небо
 Висит над стенами кремля.

И тонко поют колокольни,
 И мерно читают псалмы,
 О мире убогом и дольнем,
 О князе печали и тьмы.

Ах, это ли жизнь молодая!
 Скорей бы лошадку стегнуть,
 Из тихого, снежного края
 В далекий отправиться путь.

Стучат над мостами вагоны,
 Стучит и поет паровоз...
 Так больно и грустно влюбленных,
 Тяжелый, ты часто ли вез?

Есть стрелы, которыми ранен
 Смертельно и радостно я,
 Есть город, уснувший в тумане,
 Где жизнь оборвалась моя.

Над серой и шумной рекою
 Мы встретимся, — я улыбнусь,
 Вздохну, — и к снегам, и к покою
 В пречистую пустынь вернусь.

14. ВСЕ ПРОШЛО

Вышел я на гору высокую,
 Вышел, — глянул в бездну глубокую
 И гляжу.

Тишина, о ширь голубая,
 Трудно я из дальнего края
 К тебе прихожу.

Но любовь! Любовь обманула,

Это молния взвилась, блеснула —
Где она?

Помню, люди — в норах, что мыши,
И над белой железной крышей
Стоит луна.

Все прошло... И я теряю,
Все, что видел и все, что знаю,
Мать моя!

Мать моя, нежная пустыня,
Высоким своим покровом синим
Покрой меня!

15. ГРЕЧЕСКАЯ ЛИРА

Еще и жаворонков хор
Не реял в воздухе, луга не зеленели,
Как поступь девяти сестер
Послышалась, нежней пастушеской свирели.

Но холодно у нас. И снег
Лежит. И корабли на реках стынут с грузом.
Под вербой талою ночлег
У бедного костра едва нашелся Музам.

И, переночевав, ушли
Они в прозрачные и нежные долины,
Туда, на синий край земли,
В свои «фиалками венчаные» Афины.

Быть может, это — бред... Но мне
Далекая весна мечтается порою,
И трижды видел я во сне
У северных берез задумчивую Хлою.

И, может быть, мой слабый стих
Лишь оттого всегда поет о славе мира,
Что дребезжит в руках моих
Хоть и с одной струной, но греческая лира.

16. ОПЯТЬ ГИТАРА

Опять гитара. Иль не суждено
Расстаться нам с унылою подругой?
Как белым полотенцем бьет в окно
Рассвет, — предутренней и сонной вьюгой.

Я слушаю... Бывает в мире боль,
Бывает утро, Петербург и пенье,
И все я слушаю... Не оттого ль
Еще бывает головокруженье?

О, лошадей ретивых не гони,
Ямщик! Мы здесь совсем одни.
По снегу белому куда ж спешить?

По свету белому кого любить?

17. КРОВЬ НА СНЕГУ

По широким мостам... Но ведь мы все равно не успеем,
Эта вьюга мешает, ведь мы заблудились в пути.
По безлюдным мостам, по широким и черным аллеям
Добежать хоть к рассвету, и остановить, и спасти.

Просыпаясь, дымит и вздыхает тревожно столица.
Рестораны распахнуты. Стынет дыханье в груди,
Отчего нам так страшно? Иль, может быть, все это снится?
Ничего нет в прошедшем, и нет ничего впереди?

Море близко. Светает. Шаги уже меряют где-то,
Но как скошены ноги, я больше бежать не могу.
О еще б хоть минуту! И щелкнул курок пистолета,
Все погибло, все кончено... Видишь ты, — кровь на снегу.

Тишина. Тишина. Поднимается солнце. Ни слова.
Тридцать градусов холода. Тускло сияет гранит.
И под черным вуалем у гроба стоит Гончарова,
Улыбается жалко и вдаль равнодушно глядит.

18. СТРАХ

Как трудно вечером дышать
И думать! И ночами тоже,
Когда чугунная кровать
Совсем на катафалк похожа.

А в комнатах, во тьме ночной
Какая тишина! Ты слышишь, —
Лишь за шкафами, под стеной
Скребют отравленные мыши.

Слабея, с ядом на зубах,
Грызут зеленые обои...
Я только слушаю. Но страх
Мне тоже не дает покоя.

И так всегда. Встаю тайком,
Иду скрипучими шагами
К окну, — и вижу за стеклом
Простое розовое пламя.

И страшно грустно, близко, тут,
Под окнами проходит пеньё, —
То братья бедные бредут
На Волково успокоенье.

19. ВОТ ТАК ВСЕГДА

Вот так всегда, — скучаю и смотрю
На золотую, бледную зарю.

Мне утешений нет. И я не болен, —
Я вижу облако и ветер в поле.

Но облако, что парус, уплывет
И ветер, улета, позовет:

«Вон там Китай, пустыни и бананы,
Высоким солнцем выжженные страны».

И это жизнь! И эти кружева
Мне заменяют бледные слова,

Что слушал я когда-то, вечерами,
Там, над закатами, над облаками!

Но не могу я вспомнить тишины,
Той боли, и полета, и весны.

20. В ЛОДКЕ

Под глухой, подавленный гул
Был сон покоен и долог.
Но кто-то лодку толкнул
И отдернул тяжелый полог.

И, удивленный, теперь я плыву,
В тишине по звездам гадаю,
И камни, и лес, и траву,
И небо, и снег вспоминаю.

Как знать? Печальный ли плен
Найду в грядущем тумане,
Или чудная лодка станет
У золотых вавилонских стен?

Так, удивленный, плыву и гадаю,
И птичий слежу полет,
На звезды смотрю, — и не знаю,
Куда же лодка плывет?

21. КАК ХОЛОДНО

Как холодно в поле, как голо
И как безотрадны очам
Убогие русские села
(Особенно по вечерам).

Изба под березой, болото,
По черным откосам ручьи,
Невесело жить здесь, но кто-то
Мне точно твердит: «Поживи,

Недели, и зимы, и годы,
Чтоб выплакать слезы тебе,
И выучиться у природы
Ее безразличью к судьбе».

22. ТЕПЕРЬ Я ЗНАЮ

Я думал: вся земля до края —

Цветы, моря, степная ширь.
Теперь я знаю: есть глухая
И тихая страна — Сибирь.

Я думал: жизнь — изнеможенье
Тревожно-радостных ночей,
Теперь я знаю: есть терпенье,
Есть окрик пьяных сторожей.

Над нами небо голубое,
Простые птицы, облака,
Так сердце учится покою
И учится труду рука.

Уже о прошлом не жалея,
Не помня, может, — я и ты
Глядим на пену Енисея
И сосен тонкие кресты.

23. ПОРА И ДОМОЙ

Гуляй по безбрежной пустыне
Под нежные трубы зари,
Пей воздух соленый и синий,
На синие волны смотри.

Пусть остров и радуга снится,
А если наскучили сны,
Не девушка, нет — Царь-девица
Придет из хрустальной страны.

Но это не жизнь. И когда же
Над бледно-неверной волной
Ты парус опустишь и скажешь
«Довольно. Пора и домой»?

24. РАННИЕ МЕТЕЛИ

Так тихо поезд подошел,
Пыхтя, к облезлому вокзалу,
Так грустно сердце вспоминало
Весь этот лес и частокол.

Все то же. Дождик поутру,
Поломанные георгины,
Лохмотья мокрой парусины
Все бьются, бьются на ветру,

А на цепи собака воеет,
И выбегает на шоссе...
Здесь, правда, позабыли все,
Что было небо голубое.

Лишь помнит разоренный дом,
Как смерть по комнатам ходила,
Как черный поп взмахнул кадиллом
Над полинявшим серебром.

И сосны помнят. И скрипят,
Совсем как и тогда скрипели, —
Ведь к ночи ранние метели
Уж снегом заметали сад.

25. ПРЕД СМЕРТЬЮ

Так беспощаден вечный договор!
И птицы, и леса остались дики,
И облака, — весь незапевший хор
О гибели, о славе Эвридики.

Так дни любви обещанной прошли!
Проходят дни и темного забвенья.
Уже вакханок слышится вдали
Тяжелое и радостное пенье.

И верности пред смертью не тая,
Покинутый, и раненый, и пленный,
Я вижу Елисейские поля,
Смущенные душою неблаженной.

26. ТЫ ВИДИШЬ

И жизнь свою, и ветры рая,
И тонущий на взморье лед, —
Нет, ничего не вспоминаю,
Ничто к возврату не зовет.

Мне ль не понять и не поверить,
Что все изменит, — и тогда
Войдет в разломанные двери,
С бесстыдным хохотом, беда?

Бывает, в сумраке вечернем
Все тонет... Я лежу во сне.
Лишь стук шагов, далекий, верный,
Слышнее в страшной тишине.

И сердце, не довольно ль боли,
О камни бьющейся любви?
Ты видишь, — небо, сабли, поле,
И губы тонкие в крови,

Ты видишь, — в путь собираясь длинный,
Туда, к равнинам из равнин,
Качается в дали пустынной
Алмазно-белый балдахин.

27. ЗАПОМНИ ВСЁ

В последний раз... Не может быть сомненья.
Это случается в последний раз,
Это награда за долготерпенье,
Которым жизнь испытывала нас.

Запомни же, как над тобой в апреле

Небо светилось всею синевою,
Солнце сияло, как в ушах звенели
Арфы, сирены, соловьи, прибой.

Запомни все: обиды, безучастье.
Ночь напролет, уйти, увидеть, ждать? —
Чтоб там, где спросят, что такое счастье,
Как в школе руку первому поднять.

28. ТАМ, НА СУДЕ

Когда, в предсмертной нежности слабея,
Как стон плывущей головы,
Умолкнет голос бедного Орфея
На голубых волнах Невы,

Когда, открывшись италийским далям,
Все небо станет голубеть,
И девять Муз под траурным вуалем
Придут на набережной петь,

Там, за рекой, пройдя свою дорогу
И робко стоя у ворот,
Там, на суде, — что я отвечу Богу,
Когда настанет мой черед?

29. БЕССМЕРТИЕ

Наперекор бессмысленным законам,
Наперекор несправедной судьбе
Передаю навек я всем влюбленным
Мое воспоминанье о тебе.

Оно, как ветер, прошумит над ними,
Оно протянет между ними нить,
И никому не ведомое имя
Воскреснет в нем и будет вечно жить.

О, ангел мой, холодную заботу,
Сочувствие без страсти и огня
Как бы по ростовщическому счету
Бессмертием оплачиваю я.